

УДК 94(47).08

**«БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ИГО» САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В ОТОБРАЖЕНИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

© 2020 В.Н. Шульгин

Калининградское отделение Академии геополитических проблем

Статья поступила в редакцию 09.11.2020

Автор исходит из неосознанного до сих пор феномена – наличия русской дореволюционной интеллектуально-нравственной традиции, представители которой, включая Н.М. Карамзина и других классиков «почвенной» ориентации, стремились перевоспитать Санкт-Петербургский политический класс в духе *русизма*. Поэтому они критиковали «бюрократическое иго Петербурга», которым обернулась западническая ошибка Петра Великого в виде бюрократическо-абсолютистских заимствований с Запада.

Ключевые слова: русизм, дух русской народности, самобытность, Русская традиция, свободный консерватизм, западничество, подражательность, официальная Россия.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-4-5-14

Основоположник современной отечественной судебной психиатрии П.И. Ковалевский (1849-1923) отмечал как нечто общеизвестное в патриотическом обществе: «Много задержало развитие русского народа бюрократическое иго XIX века»¹. Видный русский геополитик генерал А.Е. Вандам (Едрихин; 1867-1933), имея в виду тот же феномен современного противостояния российских верхов «духу народности», писал о добровольной сдаче англосаксам наших американских колоний, включая Аляску. И это несмотря на присоединение огромного массива американских земель к Российской империи, достигнутое народной самодеятельностью и вольнолюбием, по отношению к которым Петербург испытывал «зависть»². Эти думы национально-ориентированных представителей русской мысли, характерные для всего предреволюционного века, образно обобщил А.С. Суворин в 1900 г., говоря об «официально-петербургском» фе-

номене: «Александр III русского коня все осаживал. Николай II запряг клячу. Он движется и не знает куда»³.

Названные авторы имели возможность оценить «революционные» итоги самоубийственного политического «петербургского курса», о необходимости смены которого говорили в течение целого века представители русской классики школы Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина. Речь идет о деятелях «почвенного» круга: В.А. Жуковском, П.А. Вяземском, Ф.И. Тютчеве, И.В. Киреевском, А.С. Хомякове, А.А. Григорьеве, Ф.М. Достоевском, И.С. Аксакове, Ю.Ф. Самарине, К.Н. Леонтьеве, В.В. Розанове и т.д.

Поскольку свободно-консервативная и одновременно «самобытная» интеллектуальная традиция развивалась рядом главнейших наших художников и мыслителей, весьма полезно ее рассмотреть. Тем более что современным исследователям недостает понимания ее сути несмотря на базовое духовное родство главнейших фигур отечественной мысли и культуры. Так, В.К. Кантор разрывает единую «самобытную» традицию, произвольно объединив

*Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, действительный член Академии геополитических проблем, руководитель Калининградского отделения.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru*

в одно направление славянофилов, народников, бакунистов, марксистов-большевиков (то есть христиан и атеистов!)⁴. В этом же духе «разрыва единого», теперь – в рядах «официальной России», согрешившей западничеством, что стало «системной болезнью» Империи – В.К. Кантор противопоставляет Николая I Петру I, без оснований заявляя, что Николай «совершил антипетровский переворот»⁵.

На проблему единства отечественной христоцентричной культурно-интеллектуальной традиции следует обратить внимание и ввиду того, что нехватка духа народности в политике «официальной России», о чем переживал вышеназванный круг представителей «русского воззрения», создала условия для победы революции 1917 года. Такого краха не хотели допустить наши классики, сделав ставку на отечественный *традиционализм и русизм*.

Сказанное и обусловило предлагаемый в данном материале подход, исходящий из основополагающего единства носителей *Русской идеи* в XVIII – XX вв., составивших одновременно круг главнейших отечественных классиков. В течение XVIII века в русском обществе стало крепнуть возрождавшееся русское настроение. Знаковым был публичный успех первой русской комедии «Бригадир» Д.И. Фонвизина (1769), обличившего *галломанию* российского дворянства, ставшую возможной в результате прозападного «перегиба» Петра Великого. Многие задумались о недопустимости такого противоречия, в которое впал персонаж пьесы, сын Бригадира, сожалевший, что его тело «родилось в России», тогда как «дух» всегда «принадлежал короне французской»⁶. Сам Фонвизин признавался в своих письмах из Франции, что переболел настроением *подражательности*. В апреле 1778 г. он пишет родным из Парижа о своем разочаровании в так называемых просветителях, которые почти все «достойны презрения», поскольку «высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер»⁷. Весьма современна и концовка

письма родным. Фонвизин делает вывод: «...наша нация не хуже ни которой и... мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях»⁸.

Так, со времени М.В. Ломоносова и Д.И. Фонвизина утвердился фактический лозунг, объединявший всех позднейших представителей национально-ориентированной мысли, гласивший: «Да здравствует русская самобытность, долой западническую подражательность!». Это и было «системное» противостояние «карамзинско-пушкинской» и т.д. культурной элиты и «болевшей» западничеством официальной бюрократии, включая онемеченную династию поздних Романовых, которые временами хотели вырваться из ментального добровольного пленения западными пристрастиями, да так и не сумели.

Дело Фонвизина по русскому переводопитанию «бюрократической» элиты продолжил Н.М. Карамзин, которому удалось создать школу *свободных консерваторов*, отстаивавших Русскую Триаду приверженности к вере православной, государству самодержавно-христианскому и православному же народу. Ошибка либеральной историографии XIX в., перекочевавшая в советскую, состояла в приписывании авторства этого воззрения гр. С.С. Уварову, да еще под грифом «официальной народности». Доля истины в этой оценке состояла в подчеркивании неискренности официальных кругов Империи, которые в их целом не могли принять идеи *народности*, то есть *русизма*. Ошибочность же была в атрибуции идеи. Русскую Триаду исповедовала изначально вся наша полнота, начиная с Илариона, митрополита Киевского; достаточно прочесть его «Слово о Законе и Благодати», написанное в 1030-е гг. с апологией «Русских», которые приняли *Православие* под водительством «единодержца» *Князя Владимира*⁹.

В кругу Карамзина эта коренная русская жизненная и политическая «антибюрократическая» идея была возрождена. Историограф убеждал: «не формы, а люди важны»,

имея в виду недопустимость ставки на абсолютистские западнические государственные принципы с непременным забвением духа «народного», чего в таком случае не избежать. Ведь очевидно, что лишь «мысли народные» в состоянии «лучше всех бранных форм» удержат государей «в пределах законной власти»¹⁰. Введение же в тело России западных государственных обыкновений отрывает новоявленную бюрократию от народа, которая «россиян» принимается «унижать в собственном их сердце». На таком принципиальном отрыве от народных антиолигархических обычаев нельзя строить политику в России, потому что навязываемое «презрение к самому себе» не «располагает... человека и гражданина к великим делам»¹¹.

Чрезвычайно важным было предостережение Карамзина, которое забюрократизированная верховная власть так и не услышала, допустив скатывание страны в революцию. Она не сумела «отказаться от Европы», «забыть Европу» и «думать единственно о России», как убеждал Александра I на примерах наш политический мыслитель, отталкиваясь «от противного»¹². Власть не только не услышала его советов в XIX веке, но и засекретила его выдающееся политическое сочинение, которое безуспешно пытался опубликовать А.С. Пушкин со товарищи. Вот верхи и проглядели и предостережение Карамзина, хотя позднее его неоднократно повторили Ф.И. Тютчев и другие продолжатели Русской Традиции. Имеется в виду следующее. Карамзин констатировал, что внутренние силы России пока велики, и «если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней государственной системе». Он призывал возвращаться к русизму во внутренней и внешней политике и перестать «изнурять силы» отечества, бездумно растрачивая их на основании, «что их еще довольно в запасе»¹³.

Петербургские верхи, к сожалению, проблемы в своем западническом отрыве от народа не видели и не хотели исправляться.

Ф.И. Тютчев именно поэтому в 1858 г. писал жене: «Тишина, господствующая в стране, ничуть меня не успокаивает, <...> она основана на очевидном недоразумении, на безграничном доверии народа к власти, на его вере в ее к нему доброжелательность...»¹⁴. Тютчев, как и его предшественник, говорит о кредите народного доверия, еще не исчерпанном, но который усиленно растрачивается столичной бюрократией. Он пишет об этом же министру иностранных дел А.М. Горчакову: «действительно тревожно... плачевно выше всякого выражения, это – глубокое нравственное растрепанье среды, которая окружает у нас правительство...». Поэт-мыслитель точно указывает, что он имеет в виду, говоря о духе влиятельных петербургских сфер, который характеризуется как «подлый», «посредственный», «антинациональный по эгоизму или происхождению»¹⁵. Ниже мы еще коснемся дум Тютчева по обсуждаемой проблеме.

Итак, в соответствии с убеждением Карамзина и его последователей определяющим в русской жизни и политике является коренная традиция самобытной *Триады* русских народности, веры и самодержавия, которые в их единстве и правде фатально не воспринимаются правящей бюрократией. При этом гораздо последовательнее Уварова идею «антибюрократической» Русской Триады принял другой первоначальный карамзинист – А.С. Пушкин. Наряду с национальным поэтом ее исповедовали и другие деятели карамзинского круга – В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Ф.И. Тютчев¹⁶ и другие соратники русского дела, а затем – славянофилы и почвенники. Они сыграли важнейшую роль в становлении русского свободного консерватизма пореформенного времени, защищая традиционные устои Триады даже и ценой преследования со стороны как бюрократической «официальной России», так и со стороны западнической интеллигенции¹⁷.

Как уже фактически упоминалось, «карамзинисты» и «пушкинцы» стремились к *русскому просвещению*, к постепенному

торжеству собственной цивилизации без ущерба достигнутому уровню развития России. Они предлагали верховной власти ориентацию на носителей «русского воззрения», весьма критически относясь к практике привлечения иноземцев на государственную службу. Ключевой их идеей была передовая мысль о возможности и необходимости симфонического сочетания *гражданской свободы* (в том числе свободы печати, отстаивающей национальные ценности) с *самодержавным русским царством*. Они были убеждены в правоте православной государственности и церковности, которые следовало в духе *русской народности* очистить от петровских «бюрократических» западнических искажений. Внешнюю политику следовало переориентировать в национальных интересах и перестать обслуживать «неблагодарную» Европу.

К сожалению, Александр I и Николай I не услышали вопиющего гласа свободных консерваторов, этих просвещенных «самобытников». После победы над наполеоновской Европой «русский разворот» был особенно возможен, тем более что проработка его плана была сделана Н.М. Карамзиным уже к 1811 г. в «Записке о Древней и Новой России...» (см. выше). Верхи Империи после эпохального 1812 года стали заполняться немцами, поляками, французами и т.д. Это вызвало рост недовольства, причем как в консервативной, так и в радикально-либеральной части общества (крайние честные фланги, бывает, сходятся в важных отношениях). Так, декабрист М.С. Лунин, внимательный наблюдатель «качества» сановных верхов (при Николае I) с точки зрения их национальной «органичности», в 1839 г. заметил, что «иностранцы, которые не понимают русского языка... находят мягкое кресло в Правительствующем Сенате». Засилье чужестранцев в верхах было и при Александре I. М.С. Лунин называл их «чиновниками-иностранцами», опасавшимися русского оздоровления, так как сомнительные сановники-чужестранцы и им сочувствующие «боялись лишиться своего жалованья».

Вывод его был аналогичен заключениям славянофилов и почвенников и гласил, что бюрократический сановный Петербург болен безродностью, Правительство «лишено национального характера» (1840 г.). Аналогичные мысли были характерны и для других радикалов, в том числе и «мягких», то есть сторонников «ограниченного» монархизма. Так, Н.В. Басаргин сожалел, что Правительство никак не желает «действовать в духе народном»¹⁸. Видим, что восстание декабристов во многом объяснялось той униженностью русских в их «собственном сердце», какую точно фиксировал Карамзин¹⁹. Николай I не извлек уроков из 1825 года, сделав остзейца А.Х. Бенкендорфа главным лицом предельно забюрократизированной внутренней политики, а «родившегося в португальском порту на английском корабле» чужеземца К.В. Нессельроде – ответственным за политику внешнюю.

Русская политика не началась, порыв к «русскому возрождению» не увенчался успехом, о чем возвестила Крымская война. Было упущено благоприятнейшее время «золотого века» русской культуры, когда царю могло бы помочь то уникальное «осияние царства», о котором писал в «Апокалипсисе нашего времени» после краха России в 1917 г. В.В. Розанов. Царь стремился к абстрактному «консервативному» европеизму. Он хотел «сиять» с немцами внешними и внутренними, а не со святителем Филаретом, которого отстранил от Синода, и не с «солнцем русской поэзии» Пушкиным, которого третировал его Бенкендорф²⁰.

Вместо того, чтобы в «пропаганде и агитации» сделать ставку на свободное слово гения, ставшего просвещенным консерватором, «слагавшим» царю «свободную хвалу»²¹, Пушкину не давали возможности основать политический журнал, более того – запрещали произведения, на которых бы могла воспитываться дерзновенная молодежь. Вот юношество и стало отворачиваться от собственной Империи, не желавшей стать «своенородной», поворачиваясь лицом к западным теоретикам радикализма.

При Николае I, по сути, началась кадровая подготовка радикалов к атеистическому перевороту, завершившемуся к 1917 г. Так безуспешно закончился первый исторический цикл русского возрождения эпохи модерна, которому не удалось победить «бюрократическое иго». Однако «русский стиль» победил духовно, художественно, отобразился и в первых теоретических обобщениях. Чувствующему и мыслящему человеку стало ясно, что Россия, родив гениев религии, слова, музыки, была в состоянии вернуться к возрождению русской политики. Власть ничего не поняла, оставшись в кругу своих западных сочувствий (отсюда и сорокалетняя с лишним власть «Нессельрода» в МИДе).

Славянофилы и почвенники – наследники карамзинско-пушкинской традиции – пытались завершить дело своих учителей в пореформенный период. Они начали второй цикл «русского возрождения», хотя и не в столь благоприятной обстановке, как в первую половину XIX в. Тогда Россия была воодушевлена эпохальной победой над агрессивным Западом, да и политический радикализм находился в зачаточном состоянии и мог быть купирован национально-ориентированной политикой. Оптимизма у «самобытников» стало меньше, сомнения в успехе возросли, о чем свидетельствуют высказывания 1850-1880-х гг. классиков русской мысли и слова (Ф.И. Тютчева, П.А. Вяземского, Ф.И. Достоевского и т.д.). Однако сторонники русизма продолжали нести свой крест.

Формат материала не позволяет подробно проследить рост разочарования выдающихся деятелей национального движения, костями легших, чтобы убедить верхи империи повернуться лицом к России. Приведу лишь несколько типичных свидетельств. Если Пушкин в 1828 г. еще рассчитывает на «русское» оздоровление царя Николая, «хвалу свободную» ему «слабая» (то есть *свободно* руководствуется русским православным политико-монархическим чувством, а не за ордена и жалование), как это было отмечено выше, то уже Ф.И. Тютчев к 1850-м годам

в значительной мере разочаровался. Он, конечно, не перестает, как и его дочь Анна, быть послом Русского народа при династии и правительстве, надеясь на убедительную силу своего слова. Надежда не умирала, но он все чаще фиксирует приближение «точки невозврата» для Старой России и наступление революционного цикла отечественной истории.

В письмах 1850-х гг. Тютчев постоянно говорит об официально-бюрократическом «кретинизме», «идиотизме», «извращении инстинктов и притуплении или уничтожении рассудка», «темной ограниченности», «чудовищной тупости». Верхи отвратились от русского духа к фатуму революционной гибели своей петербургской системы, идущей «совершенно ложным направлением», не умея исправиться в национальном духе и «возвратиться на верный путь»²². Констатации и пророчества Тютчева поразительны по точности. В глубоком письме 1857 г. графине А.Д. Блудовой он согласился с ее критикой правительственного феномена, который позднее Ф.М. Достоевский назовет «чужебесием» и «баден-баденством» петербургского политкласса. Тютчев предрекает «страшный кризис», который «неминуемо» наступит в России, невзирая на скорую антикрепостническую реформу, которая главного западнического порока не правит. Ведь власть «на деле *безбожна*», «ее образовало... собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым». Впереди ждут «наказания, столь нами заслуженные»²³.

Старшая дочь поэта-мыслителя Анна Тютчева, фрейлина императрицы с болью отмечала в дневнике антинародный по сути настрой ряда высших бюрократов, вроде военного министра, а затем обер-жандарма В.А. Долгорукова или министра иностранных дел К.В. Нессельроде и других. Она замечала, что именно эта сановная публика, по сути, помогает Западу в его давлении на Россию. В конце 1854 г., в продолжение Крымской войны, она делает примечательную дневниковую запись: «От царствования

Александра I ведет свое начало эта... уни- зительная политика, приносящая в жертву интересы своей страны ради интересов Европы, отказывающаяся от всего нашего <...> чтобы успокоить мнительность Европы по отношению к нам. Мы бы хотели совсем не иметь тела, чтобы не смущать Европу даже тенью, от него падающей <...> это огромное тело <...> торчит перед носом Европы, кото- рая, несмотря на всю рыцарскую учтивость Александра I и Николая I, не может прими- риться с вопиющей бестактностью само- го факта нашего существования»²⁴. Совет А. Тютчевой, чтобы исправить положение, был гениально-простым, но «сферы» по их обыкновению «русского гласа» не слышали. Она говорила, что нельзя поручать «управ- ление людям неспособным, враждебным национальному духу и не пользующимся ни доверием, ни расположением страны»²⁵.

Ф.И. Тютчев также постоянно выска- зывал эту же мысль, до сих пор не вполне учтенную. Имея в виду извечное геополитическое давление на Русь со стороны чуждого Запада, поэт-мыслитель печалился, что отсутствие русского самосозна- ния в петербургских верхах препятствует России воспользоваться противоречиями между великими державами. Так, в письме Е.П. Ковалевскому (1860) он скорбит: «Ни- когда, может быть, в истории человеческих обществ не было подобного примера. Ни- когда государство – и какое государство! мир целый – не утрачивало до такой степе- ни свое историческое самосознание» и дух самобытности²⁶.

Аналогичным образом Ю.Ф. Самарин, которого за русизм император Николай приказал однажды на время посадить в Пе- тропавловскую крепость, в 1856 г. заклю- чал, что западническая бюрократически- ориентированная верховная власть страны взирает на свое отечество чужими глазами. Он писал, ставя диагноз «Николаевской России»: «Российское государство и русская земля, правительство и народ, так давно и так далеко разошлись друг с другом, что те- перь они как будто раззнакомились... пра-

вительство отвыкло говорить языком, для народа понятным»²⁷. Чтобы исправить по- ложение, вновь, как и встарь, должен побе- дить принцип «русской политики»²⁸.

Классики свободного консерватизма на- ходились между «молотом и наковальней». Им противостояла сановная «официальная Россия», продолжавшая идти не русскими путями, и набравшая силу «революционная Россия», умственно окормлявшаяся на за- граничных радикальных ристалищах, сле- дующая за чужеземными социалистами, и т.д. Затем родились и свои радикалы. Ф.И. Тют- чев, знавший верхи как свои пять пальцев, фиксирует неизбежное появление элитар- ной аристократической «*руссофобии* некото- рых русских – причем весьма почитаемых» (1867)²⁹. Русская струна натягивалась: верхи становились все хуже, левые – все сильнее. Поэт-мыслитель в 1860-е-70-е гг., видя рост «левого сектора», все больше убеждается в неотвратимости Революции, которая станет неизбежным воздаянием верхам за их за- падничество и «завершит» «целое вековое ложное направление» петровской России³⁰.

Новые западники-радикалы по Тютчеву были почти обречены на победу над стары- ми западниками-аристократами. В письме к дочери Анне в сентябре 1871 г. он ритори- чески вопрошал: «Что может противопоставить этим ошибочным, но пылким убеждениям власть, лишенная всякого убеждения?»³¹. Ряд сановников Александра II, вроде П.А. Валуева, были руссофобами, от- части под влиянием своих немецких или польских матерей при полной «денацио- нализации» отцов. Этот руссофобский круг бюрократов, ставший средостением между царем и народом, постоянно подвергался критике со стороны национально-ориенти- рованных представителей культурной рус- ской элиты. Так, А.В. Никитенко был убеж- ден, как и славянофилы с почвенниками, что революционная радикализация обще- ства с началом террора против царя в 1866 г. имеет своим главным истоком космополи- тизм и руссофобию Санкт-Петербургского верха, которая отвращает все патриотиче-

ское в народе и обществе. Он печалился, что монарх ориентируется на «эти блестящие истуканы». Среди последних он называл откровенных западников В.А. Долгорукова (министра, затем главного жандарма), А.А. Суворова (внука полководца, столичного генерал-губернатора, которого за русофобию критиковал Тютчев) и П.А. Валуева (министра)³². Поэтому и общий вывод Никитенко был столь же неутешительным, что и у Тютчева, Достоевского и т.п. представителей «национальной России». В 1867 г. он пишет в дневнике: «Самые опасные внутренние враги наши не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов, возбуждая негодование и отвращение к правительству...»³³.

Запущенное положение, когда «точка невозврата» уже прошла, не могло быть качественно улучшено и при Александре III, лучшем царе XIX в. с русской точки зрения. В династию и верхи въелась пораженческая «охранительная» психология, препятствовавшая курсу на достижение единства режима *гражданской свободы и самодержавной государственности* при «русском» ее настрое. Царь, хотевший быть русским, продолжал по «железной» николаевской традиции не доверять своим консерваторам, не давая им «свободы монархической», препятствуя «совместничеству умов» сторонников Русской Триады (выражения П.А. Вяземского). А.С. Суворин, бывший одним из вдумчивых наблюдателей, которые вынуждены были в очередной раз констатировать неудачу очередного «русского цикла» борьбы против санкт-петербургской бюрократии, уже при новом царе записал в дневник страшную по пророческому потенциалу мысль, которую вторично цитирую по ее суммирующей значимости: «Александр III русского коня все осаживал. Николай II запряг клячу. Он движется и не знает куда...»³⁴. Действительно, верховной власти не хватило разума восстановить Патриаршество, хотя о необходимости этого уже в 1811 г. намекал Карамзин. Не был призван к служению в ключевые 1850-е-60-е гг. совещатель-

ный Земский Собор, вполне органичный для русского Царства. Не хватило даже ума для простого обратного переименования придворных чинов с немецкого языка на русский. Так до 1917 г. и держались камергеры, камер-юнкеры и т.д. вместо сокольничих, конюшенных... Самое же страшное с русско-традиционалистской точки зрения произошло с самим Престолом царей русских. В. Ларионов называет все это «загадкой из загадок», отмечая следующее: «русским знаменитым и наидревнейшим родам Рюриковичей, Гедиминовичей... путь в Императорский дом был закрыт законом о престолонаследии и поправкой от 1820 года Александра I...». В то же время, так сказать, по закону деградирующего возмещения доступ в русский царский дом оказался открыт «всяким мелкотравчатым немецким владетельным домам»³⁵. Вот какие последствия возымел бюрократический «отрыв от народа» Петра Великого.

Всю эту наносную неметчину и смела народная стихия «возмездия», о которой так ярко сказал великий А. Блок. Поэт подобно своим предшественникам убедился, что верхи были не в состоянии услышать голоса русской культуры, целый век взывавшего к престолу о восстановлении в правах *русской политики*. Как приговор звучали стихи гения: «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего...» (Тютчев, как мы уже видели, в тех же самых словах констатировал потерю своего «пути» русским бюрократизированным политическим классом). Поэт понял в 1914 г., что старая элита, так и не перестроившаяся на родной лад, забывшая русский «путь», ответит за все, потянув за собой и Россию. Впрочем, в последней строфе стихотворения он предрекает новый русский «возвратный к себе» исторический цикл: «И пусть над нашим смертным ложем / Взовьется с криком воронье, – / Те, кто достойней, Боже, Боже, / Да узрят царствие свое». Действительно, третий цикл нашего национального возрождения начался в советский период. Он, в частности, ознаменован и тем, что великий композитор Г.В. Сви-

ридов создал цикл песен на стихи А. Блока, в том числе включивший и процитированное стихотворение³⁶.

Провозвестниками новой попытки русского возрождения, пытавшиеся излечить Россию от старого западнически-бюрократического недуга, стали не только мыслители Зарубежья, И.А. Ильин и другие, религиозно и национально ориентированные русские, но и деятели, трудившиеся в Советской России. Удивительное дело – многие проблемы Старой России, в том числе и «бюрократическая» (отрыв власти от народа), перекочевали в Новую пореволюционную Советскую Россию. Среди мыслителей, понимавших это, еще до Великой Отечественной войны сказали свое «возрожденческое» русское слово П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев³⁷. После войны, в условиях народного духовного подъема, острее стала чувствоваться русская неприютность. Даже в компартии и государственном руководстве родилось национальное течение «русистов», разгромленное по так называемому Ленинградскому делу (Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, А.А. Кузнецов)³⁸.

Среди творческой интеллигенции начиная с 1950-х гг. стало шириться национально-ориентированное движение, которое волновал тот же комплекс «антибюрократических» настроений, как и до революции – представителей школы Карамзина и Пушкина. Важнейшим писательским направлением этого склада стали *деревенщики*. Его лидерами были В.И. Белов, В.Г. Распутин, В.М. Шукшин, В.А. Солоухин и другие. В него можно включить А.И. Солженицына. Среди ученых первого разряда его представили академики И.Р. Шафаревич, Б.В. Раушенбах, Ф.Г. Углов. Среди композиторов русским вожаком был Г.В. Свиридов, а среди художников – И.С. Глазунов, среди поэтов – Ю.П. Кузнецов, среди историков – А.Г. Кузьмин. Возникло даже подпольное радикально-православное движение (И.В. Огурцов, Л.И. Бородин и др.). Легальными органами движения было Всероссийское общество охраны памятников и культуры (ВООПИК)

и так называемый неформальный Русский клуб, объединившие идейный костяк деятелей русского возрождения (В.В. Кожин, С.Н. Семанов и др.).

Трагедией «многоэшелонированного» национального движения, имевшего легальные и нелегальные площадки, была полная невозможность его прорыва в политику. После погрома русских политиков в рамках «Ленинградского дела», когда число расстрелянных исчислялось сотнями, а репрессированных – тысячами, это было неизбежно. Типологически повторилась ситуация первой половины XIX в., характеризовавшаяся наличием «золотой» русской культуры, сожительствующей с политическим классом, в котором господствовали не любившие русских «первые лица» вроде А.Х. Бенкендорфа, Л.В. Дубельта, М.А. Корфа. В 1970-е-1980-е гг. среди коммунистической правящей элиты усилилось антирусское движение. Одним из его фактических лидеров был всесильный глава КГБ Ю.В. Андропов, активным идеологом антирусизма выступил будущий «прораб перестройки» А.Н. Яковлев³⁹. Именно по записке Андропова в Политбюро (1981) лишился работы С.Н. Семанов, профессиональный историк и писатель, редактор популярного журнала «Человек и Закон», имевшего многомиллионный тираж.

Можно заключить, что не увенчавшийся успехом в 1950-е-1980-е гг. третий исторический цикл русского «антибюрократического» политического возрождения не пропал даром, как и все прошлые, поскольку на идейном, культурном и философском уровнях его актуальность для России была еще больше духовно осмыслена. Современные события, связанные с разрушительной деятельностью западных стран в России, Украине и Белоруссии по разложению их внутреннего русоцентричного духовного, идейного и нравственного пространства, доказывают это. Украинский вызов особенно показателен. Окончательно изжило себя патологическое «правило» российского политического класса XVIII –

XX вв., заставлявшее верхи пренебрегать интересами «народа-богоносца», руководствуясь противоестественным для России западнизмом, аристократическим или демократическим. Сама наша земля вопиет, призывая верхи России более не следовать избобличенному Священным Писанием способу блеклого существования, когда «своя своих не познаша»⁴⁰.

Сегодня не в меньшей мере должно быть востребовано наше национальное наследие в его стоянии за «своебытную» Россию, которая, по мысли классиков, должна отринуть бюрократический самообман Петербургских верхов. Гениальный В.В. Розанов так суммировал в 1913 г. эти спасительные чувства и мысли: ««Безнародное правительство» – совершенная нелепость и бессилие. Только глубокая мечтательность русских и то же знаменитое русское «долготерпение» мирились и выносили, что у нас иногда на долгие десятилетия водружалось безнациональное, космополитическое правительство; что *бюрократия высшая и средняя действовала в России и чувствовала себя... как культурные германские инструкторы в Турции...*»⁴¹. Розанов заключал, сочувствуя государственному курсу П.А. Столыпина, что на Руси можно двигаться «только русскими парами». Он рассчитывал, что «русская работа» в верхах Империи будет когда-нибудь успешно завершена. Хотелось бы, чтобы эти вещие слова, воплотившие в себе соборный дух Русской традиции XIX – начала XX века, были бы наконец учтены в XXI веке.

Таким образом, на протяжении двухсот с лишним лет мы видим ряд повторяющихся попыток возвращения России «к самой себе», к православно-ориентированной духовности, к возрождению собственной цивилизующей *самобытности* ценой отказа от противоестественной *подражательности*. Весьма важен опыт дореволюционного столетия, когда составила отечественная «карамзинско-пушкинская» классическая школа мысли, отстаивавшая историческое право российской национально-ориентированной цивилизации, отвергшая запад-

ничество правящей «петербургской» элиты, приведшей Старую Россию к ее «самоубийству» 1917 года⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ковалевский П.И. Психология русской нации. Воспитание молодежи. М., 2005. С. 62.
- ² Вандам А., Головин Н., Бубнов А. Неуслышанные пророки грядущих войн: Сборник. М., 2004. С. 46-49.
- ³ Суворин А.С. Дневник. М.: Книговек, 2015. С. 260.
- ⁴ См., напр.: Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001. С. 106.
- ⁵ Там же. С. 117-118.
- ⁶ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. М.-Л., 1959. С. 72.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 443. Справедливость недовольства Д.И. Фонвизина «просветителями» подтверждается откровенными критическими характеристиками «просветителей» со стороны Ж.-Ж. Руссо в его «Исповеди». См., напр.: Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в трех томах. Т. III. М., 1961. С. 362-375, 380, 399, 401, 407 и др.
- ⁸ Там же. С. 449.
- ⁹ Ужанков А.Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 208-209, 201-211. Профессор Литературного института А.Н. Ужанков сделал уточненный перевод классического произведения первоначальной русской словесности.
- ¹⁰ Карамзин Н.М. Записка о Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношении (1811). М., 1991. С. 98, 32, 49.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 53-54.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 томах. Т. 2. Письма. М.: Правда, 1980. С. 186-187.
- ¹⁵ Там же. С. 190.
- ¹⁶ См. о них в данном контексте: Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб., 2009.
- ¹⁷ См. подробнее: Шульгин В.Н. Почвенничество // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 376.
- ¹⁸ См.: 1) Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 24-25, 56, 121; 2) Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 50.
- ¹⁹ См. подробнее: Шульгин В.Н. «Уважение к своему народному достоинству»: Почему «Записка о древней и новой России» была запрещена // Литературная газета. 2011. № 44 (6345).

- ²⁰ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Собрание сочинений. М., 2000. С. 6.
- ²¹ Пушкин А.С. Друзьям (1828) // Он же. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 3. М., 1963. С. 48.
- ²² Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 томах. Т. 2. Письма. М.: Правда, 1980. С.159, 164-165, 173, 176 (курсив Тютчева. – В.Ш.).
- ²³ Там же. С. 185.
- ²⁴ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Захаров, 2000. С. 115.
- ²⁵ Там же. С. 235.
- ²⁶ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. Письма 1860–1873. М., 2004. С. 9 (курсив Тютчева. – В.Ш.).
- ²⁷ Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 81.
- ²⁸ Там же. С. 86.
- ²⁹ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. С. 271. Аналогичных суждений в письмах Тютчева много – см.: С. 300, 302, 312, 326, 368-369 и др.
- ³⁰ Там же. С. 364. Тютчев, наблюдая чиновные сочувствия Парижской коммуне, иронично предрекал в письме к И.С. Аксакову, взяв за кальку-образец *Заповеди Блаженств* на церковно-славянском, подчеркивая неизбежность Революции: «...блаженны нигилисты, тии бо наследят землю до поры до времени». Там же. С. 399.
- ³¹ Там же. С. 402.
- ³² Никитенко А.В. Записки и дневник. В 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. С. 123.
- ³³ Там же. С. 177.
- ³⁴ Суворин А.С. Указ соч. С. 260.
- ³⁵ Ларионов В.Е. О православном монархизме и монархизме воровском // Третий Рим. Русский альманах. № 5. Иркутск, 2006. С. 96-97.
- ³⁶ См.: Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 1917. С. 456-459 и др.
- ³⁷ См., напр.: Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Он же. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 647-681.
- ³⁸ См.: Платонов О. Ленинградское дело // <http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/19500930len.php>
- ³⁹ Этот идеолог ЦК КПСС «прославился» своим антирусским манифестом. См.: [Яковлев А.Н.] Против антиисторизма // Литературная газета. 15 ноября 1972.
- ⁴⁰ Ин.. 1: 11 (цитата на церковно-славянском языке).
- ⁴¹ Розанов В.В. К открытию памятника П.А. Столыпину // Розанов В.В. На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913-1915 гг.) / Общая редакция А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2007. С. 136-137 (курсив мой. – В.Ш.).
- ⁴² М. Алданов, по сути, внес вклад в социологию Русской революции, показывая ее как синтез духа «убийства», отстаиваемого революционной интеллигенцией, и «самоубийства», характерного для столичной аристократии. См. его романы о вызревании Революции в XIX – XX вв. «Истоки», «Начало конца», «Самоубийство».

«BUREAUCRATIC YOKE» OF ST. PETERSBURG IN THE REFLECTION OF RUSSIAN INTELLECTUAL CLASSICS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

© 2020 V.N. Shulgin

Kaliningrad Branch of the Academy of Geopolitical Problems

The author proceeds from still in large measure incomprehensible phenomenon – the existence of the Russian pre-revolutionary intellectual and moral tradition, whose representatives, including N.M. Karamzin and other classics of «pochvennicheskoy» orientation (of «national originality»), sought to re-educate the St. Petersburg political class in the spirit of Russism. Therefore, they criticized the «bureaucratic yoke of Petersburg», which turned into a Westernization errors of Peter the Great in the form of borrowing from the West in the spirit of bureaucracy and state absolutism.

Keywords: Russism, the spirit of the Russian people, National originality, Russian Tradition, Free Russian conservatism, Westernism, westernized imitation, official Russia.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-4-5-14

Vladimir Shulgin, Doctor of History, Full Member of the Academy of Geopolitical Problems, Head of the Kaliningrad Department
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru